

В поддержку справедливости, всеобщего примирения и реинтеграции общества после вооруженного конфликта: как исправлять прошлое

Гуннар Тайссен

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

В поддержку справедливости, всеобщего примирения и реинтеграции общества после вооруженного конфликта: как исправлять прошлое

Гуннар Тайссен

1. Введение

Гражданские войны и репрессивные государственные режимы оставили после себя много разрушенных и травмированных обществ. Ненаказанная жестокость и несправедливость легко провоцируют новые циклы насилия. Безнаказанность подрывает доверие к закону, из-за чего повышается риск появления случаев самосуда, толкающего людей на новые жестокости. Недоверие и неприязнь бывших противников друг к другу тормозят процессы восстановления, принятия согласованных решений и экономического развития. Для того чтобы покончить с насилием и сделать возможным заключение мира, в ряде случаев может потребоваться объявление амнистии. Призыв к компромиссу и национальному примирению бывает необходим для окончания военных действий, но если допущенная в прошлом несправедливость не будет исправлена, она может стать причиной возобновления вооруженного конфликта. Нередко жертвы соглашаются пойти на примирение со своими преследователями только в том случае, если их страдания и страдания их близких признаются официально. Более того, сама идея всеобщего примирения должна быть принята всем обществом.

В первом разделе данной статьи рассматриваются некоторые процедуры и институты, созданные для поддержания гражданского мира и восстановления законности. Обсуждаются два вопроса: 1) при каких условиях трибуналы, комитеты правды или законы об амнистии могут помочь разобраться с пережитыми жестокостями; 2) как спорные вопросы собственности можно решить с помощью посредников или в общинных судах? Затем в статье излагаются некоторые общие соображения по поводу принципов и стратегий для третьих сторон, желающих оказать поддержку этим институтам и процедурам. В заключительной части, наряду с призывом применять долгосрочные подходы, кратко формулируются вопросы для дальнейшего обсуждения: главным образом, отмечаются, в связи со всеобщим энтузиазмом по поводу международного уголовного судопроизводства и комитетов правды, некоторые спорные исходные посыпки и сомнительные результаты деятельности этих институтов.

2. Инструменты

2.1. Международные уголовные трибуналы, национальное судопроизводство и общинные суды

Система уголовного судопроизводства способна выполнять существенную функцию в деле урегулирования несправедливости прошлого и приведения чреватого насилием конфликта к мирному разрешению. В международном сообществе растет, подкрепленный также и международным правом, консенсус относительно того, что грубые нарушения прав человека, геноцид, военные преступления и преступления против человечности должны быть расследованы и наказаны (определения см. в боксе 3). Однако иногда бывает невозможно начать уголовное преследование преступников сразу же после завершения гражданских войн; в иных случаях, если, на-

пример, не выдерживаются процессуальные нормы, оно может вызвать новое насилие или породить новую несправедливость. Необходимо также признать, что для установления истины, информирования народа о нарушениях законности в прошлом и трансформации конфликта эффект от уголовного преследования, скорее всего, будет невелик (*Osiel, 1977*). Основные аргументы за и против уголовного преследования суммированы в боксе 1.

Бокс 1: Уголовные судебные разбирательства как инструмент трансформации конфликта: их возможности, недостатки и связанные с ними опасения

Сильные стороны уголовных судов определяются тем фактом, что они способны:

- сломить культуру безнаказанности, предотвратить будущие нарушения прав человека и повысить осведомленность населения о правах человека и о гуманитарном праве;
- прямо заявить обществу, что допущенные в прошлом жестокости не имели законного основания (как это часто утверждается той или другой стороной конфликта), а были преступлениями;
- обеспечить жертвам определенное моральное удовлетворение и предупредить их желание взять закон в свои руки;
- назвать конкретных виновников, т.е. не представлять целые слои населения бесчеловечными злодеями, а заставить отвечать именно тех людей, которые совершили конкретные преступления. Подозрения в совершении преступлений могут быть либо подтверждены, либо опровергнуты, а оправдание невиновных ускорено.

У данного института, тем не менее, есть недостатки, ограничивающие его возможности как инструмента справедливости, и вызывающие соответствующие опасения. Например:

- в результате конфликта система уголовного судопроизводства может быть разрушена и лишена необходимых ресурсов;
- обвиняемые могут быть неадекватно представлены на суде, а процессуальные нормы могут не соблюдаться;
- судебные преследования могут спровоцировать сопротивление в насильственной форме со стороны бывших комбатантов или потенциальных обвиняемых и их сторонников и тем способствовать росту популярности “мучеников”, якобы преследуемых победителями;
- уголовные расследования часто дорогостоящи и требуют много времени, из-за чего желаемого справедливого решения приходится ждать долго;
- не все подозреваемые оказываются на скамье подсудимых. Многие преступления остаются нераскрытыми: или не были установлены преступники, или они покинули страну, или умерли, или им не может быть предъявлено обвинение ввиду недостатка доказательств;
- судопроизводство может тормозиться недоверием жертв к системе или их боязнью обращаться в суд. Суды могут казаться им защитниками интересов какой-либо одной из сторон конфликта;
- судебные разбирательства привлекают больше общественного внимания к преступникам, чем к жертвам;
- в случаях, когда на скамье подсудимых оказываются какие-либо известные личности и их оправдывают за недоказанную преступление или из-за процедурных нарушений, или из-за отсутствия важных свидетелей судебное разбирательство может быть воспринято населением как подтверждение мнения, что на некоторых людей действие закона не распространяется.

Поскольку национальные системы судопроизводства часто оказываются либо неспособными, либо не склонными привлекать к суду виновных в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности, Совет безопасности ООН недавно специально учредил Международные уголовные трибуналы для бывшей Югославии и Руанды (*Morris, Scharf, 1997*). Кроме того, заметно продвинулась работа по созданию постоянного Международного уголовного суда (МУС) для разбирательства дел о самых чудовищных преступлениях (*Cassese, 1999*).

Международные трибуналы, как правило, устанавливают высокие стандарты судопроизводства и тем самым обеспечивают известную степень нейтральности. Служа образцом для трибуналов отдельных стран, они могут побудить также и власти на местах заняться расследованием допущенных прежним режимом жестокостей. Правда, прямое их влияние на трансформацию местных конфликтов, скорее всего, окажется минимальным, т.к. международные трибуналы, как правило, дорогостоящи, способны рассмотреть лишь небольшой процент имеющихся дел и географически и культурно далеки от конкретных обществ, пострадавших в конфликте (*Akhvan, 1998; Alvarez, 1999*). Даже постоянный Международный трибунал планировался только как инструмент для тех крайних случаев, когда национальные системы судопроизводства “выходят из строя”. Этот суд может рассматривать лишь малую долю дел о жестокостях, допущенных в расколотых конфликтами обществах.

Для прочного урегулирования и трансформирования конфликтов в разрушенных войной обществах необходимо (вос-)создание полноценной местной системы судопроизводства. Международный трибунал по Руанде за пять лет с момента своего учреждения рассмотрел всего около тридцати дел, несмотря на финансирование, вдвое превышающее сумму, предоставленную международным сообществом на поддержку национальной системы судопроизводства Руанды. Сама же Руанда стоит перед устрашающей задачей – рассмотреть в судах дела примерно 120 тыс. людей, обвиняемых в геноциде. Этот пример наглядно показывает, насколько мала эффективность международных судов, если одновременно с их работой не делается усилий по созданию национальных судебных институтов.

Кроме того, для многих развивающихся стран характерен правовой плюрализм, т.е. наряду с зачаточной официальной судебной системой существуют традиционные институты, ответственные за поддержание справедливости и разрешение конфликтов (*Weilenmann, 1999*). Следовательно, одной из стратегий восстановления нарушенной в прошлом справедливости может стать разрешение этим институтам рассматривать незначительные преступления или же имущественные и земельные споры. Такие суды действуют в соответствии с местными культурными практиками или ритуалами, что облегчает жителям участие в делах. Поэтому и нарушителям закона бывает легче возвращаться к общинной жизни (*Pankhurst, 1999*): местные суды не отправляют их в переполненные тюрьмы, а приговаривают к возмещению ущерба потерпевшим каким-либо принятым здесь способом или же заставляют сделать что-либо общественно полезное. Восстановление общинных судов для рассмотрения “мелких” преступлений, связанных с геноцидом 1994 г., планируется в Руанде (они называются там *gacacas*).

Однако при таком децентрализованном подходе к судопроизводству и широком участии в нем непрофессиональных кадров необходимо учитывать ряд серьезных рисков:

- После вооруженных конфликтов местные системы судопроизводства едва ли будут “традиционными”. Скорее они будут отражать вновь образовавшуюся структуру власти, в которой доминируют военные диктаторы или самодельные “комитеты бдительности”.

- Процессуальные нормы и наказания могут не соответствовать нормам прав человека и укреплять традиционные патриархальные структуры, отсекая участие в них женщин и молодежи.
- Поддержка местных, альтернативных судебных систем может, вместо укрепления сотрудничества и взаимосвязи обычноправовой системы и официальной юриспруденции, усилить противоречия между ними.
- Государственные структуры могут оказаться не в состоянии контролировать работу местных судов и, соответственно, обеспечивать должный уровень судопроизводства.

2.2. Законы об амнистии и освобождение из тюрем политических заключенных

Политические заключенные, задержанные с нарушением фундаментальных основ международного права, должны быть отпущены на свободу немедленно. Это послужит укреплению способности общества регулировать конфликты не столько силой оружия, сколько усилиями гражданских лиц. Споры по поводу того, кого считать политическими заключенными, возникают не часто; что касается принципов их освобождения, то здесь прецедент был создан возвращением свободы политическим заключенным в Намибии, нормы которого разработал тогдашний Председатель Европейского суда по правам человека Карл Аге Норгаард (*Boraine, Levy, 1995. P. 156–160*). Общее положение международного гуманитарного права предполагает освобождение военнопленных по окончании внутреннего вооруженного конфликта (см., например, статью 6 (5) Второго дополнительного протокола Женевской конвенции). Однако амнистия должна распространяться только на участников боевых действий, но не на виновных в геноциде, военных преступлениях, преступлениях против человечности и в других серьезных нарушениях прав человека, например, в применении пыток или похищении людей. Всеобщие амнистии, гарантирующие освобождение от судебного преследования и наказания виновных в грубых нарушениях прав человека, – такие, как аргентинский Закон о полном прекращении преследований, – несовместимы с международным правом.

И все же общие амнистии виновных в незначительных нарушениях закона могут быть необходимы, для того чтобы придать больше веса правосудию, осуществляемому в отношении серьезных преступлений. Амнистия виновных в грубых нарушениях прав человека – если она вообще допустима – должна быть лишь одним из возможных отношений к преступнику, представшему перед комиссией по амнистии или (общинным) судом и признавшему свою вину. Жертвам преступлений надо позволить участвовать в рассмотрении дел об амнистии, как делалось в ходе работы Южноафриканского комитета правды и примирения (см. бокс 2). Амнистия, избавив преступника от уголовного наказания, не должна, однако, освобождать его от обязанности выплатить материальную компенсацию жертве или ее семье. Государства могут также ускорить расследование преступлений прошлого, введя сокращенные сроки или условные наказания для тех виновных, кто сознался в своих преступлениях.

2.3. Дисциплинарные меры

Для того чтобы восстановить веру общества в правосудие, виновных в военных преступлениях или серьезных нарушениях прав человека следует отстранять от службы в полиции или армии. Также должна быть выявлена и запрещена деятельность неформальных групп, пропагандирующих насилие. В нескольких восточноевропей-

ских странах, например, высокопоставленные чиновники коммунистических режимов на основании так называемых “законов о люстрации” автоматически теряли права на государственные должности (Boed, 1998). Однако огульное отстранение чиновников от государственной службы, без расследования каждого индивидуального случая, нарушает принцип надлежащего судопроизводства и право на выбор профессии. Более того, политика “люстрации” может привести к полному развалу административной системы или даже спровоцировать сопротивление с применением силы со стороны государственных чиновников и сил безопасности. Поэтому для замены людей, не вызывающих доверия, полезнее применять более мягкие подходы, такие, как переводы на другие должности, досрочное предоставление пенсии по возрасту, назначение новых лиц на ответственные посты. Следует не столько принимать новые законы, специально направленные против служителей прежнего режима, сколько применять обычные дисциплинарные меры.

2.4. Комитеты правды

В нескольких странах Африки и Латинской Америки комитеты правды собирают документальные свидетельства нарушений прав человека. Мандат, влияние и деятельность таких комитетов различаются в разных странах (Hayner, 1994). Как правило, основанием для работы комитетов правды служат мирные соглашения, правительственные указы и принятые парламентами законы. Обычно им поручается фиксировать нарушения прав человека в определенный период путем сбора документов и показаний как жертв, так и самих нарушителей. Они передают на суд общественности подробные доклады о допущенных в прошлом жестокостях; в докладах говорится и о том, как не допустить подобных вещей в дальнейшем. Кроме комитетов, усилия по документированию нарушений прав человека прилагают также церкви и местные правозащитные организации – например, в Бразилии, Гватемале и Зимбабве (Dassin, 1986; REMHI, 1998; Carver, 1993).

Преимуществом тех комитетов правды, которых поддерживает правительство, является возможность официально регистрировать и предавать гласности бывшие нарушения прав человека. Они могут к тому же быть уполномочены проводить обыски и задержания, а также вызывать подозреваемых в суд. С другой стороны, если полномочия официальных комитетов слишком малы и если у них недостает ресурсов для независимой работы, то эти комитеты рискуют стать просто инструментами пропаганды в руках правительства.

Следует поддерживать и деятельность неправительственных организаций по выявлению и документированию жестокостей прошлого, особенно если у правительства для этой работы не хватает политической воли. Такие организации стоят ближе к жертвам, что облегчает их работу, которая в целом служит укреплению гражданского общества; в итоге усиливается давление на правительство с тем, чтобы заставить его начать официальные расследования. Правда, чаще случается так, что факты, вскрытые гражданским обществом, властями игнорируются, а активисты правозащитных движений подвергаются репрессиям или даже уничтожаются. Расследования неправительственных организаций не обязательно более беспристрастны, чем официальные дознания. И так же, как комитеты правды, поддерживаемые правительством, НПО могут восприниматься населением как сторонники одной из конфликтующих сторон. Гватемальский опыт показывает, что свои преимущества есть и у официальных, и у неправительственных расследований и что в идеале те и другие могут поддерживать и усиливать друг друга (Volkman, 1999).

Комитеты правды как инструменты постконфликтной реабилитации наиболее действенны в ситуациях, когда:

- уголовное преследование виновных может помешать прекращению военных действий и заключению мирного соглашения, а, возможно, и спровоцирует новое насилие;
- потерпевшие в большинстве своем не могут выдвинуть обвинение против своих преследователей или добиться возмещения ущерба через уголовное или гражданское судопроизводство;
- система уголовного судопроизводства не может гарантировать справедливого суда, или она перегружена, или не пользуется доверием потерпевших;
- суды не желают расследовать прошлые нарушения прав человека и выносить за них наказания или не обладают для этого необходимой степенью независимости;
- судебные расследования ведутся слишком медленно или обходятся слишком дорого;
- доказательства преступлений уничтожены или их недостаточно для предъявления обоснованных обвинений.

Преимущества комитетов правды состоят в том, что они:

- предадут гласности прошлые нарушения прав человека, в след за чем и сами пострадавшие перестают замалчивать перенесенные ужасы, поскольку риск репрессий снижается с ростом числа выступающих;
- оставляют возможность для неформального общения потерпевших и преступников;
- при разбирательстве совершенных в прошлом жестокостей встают на точку зрения потерпевших, настраивают общество на моральное осуждение нарушителей и тем снижают мнение о них и влияние их в обществе;
- представляют исчерпывающие и хорошо документированные хроники нарушений прав человека, побуждая общество к дискуссиям о путях обеспечения мирного существования общества в будущем;
- выявляют потерпевших и их потребности в плане реабилитации и компенсации;
- способствуют усилению сочувствия к уцелевшим и погибшим жертвам прошлого режима. Внимание общества направляется на переживания и нужды потерпевших, при этом их не подвергают унижительным перекрестным допросам. Потерпевших не выставляют “террористами” и легитимными мишенями для преследований, а относятся к ним как к живым существам и невинным жертвам произвола и нечеловеческой жестокости.

Комитеты правды могут также:

- выявлять те причины прошлых несправедливостей, которые не считаются категориями уголовного законодательства, – например, уклонение профессиональных организаций от выступлений против нарушений прав человека или даже молчаливая поддержка этих нарушений;
- заниматься такими нарушениями, которые не подпадают под юрисдикцию государственных судов, – когда, например, у рассматриваемых деяний прошли официальные сроки давности, или они в свое время не считались преступлениями, или были совершены на территории другого государства;
- фиксировать преступления, совершенные неизвестными лицами;
- снабжать суды хорошо документированными доказательствами для дальнейшего расследования.

Опыт показывает, однако, что рекомендации официальных и неправительственных комитетов правды слишком часто остаются лишь на бумаге и что их работа нередко разочаровывает потерпевших. Во многих странах всем известные нарушители прав человека продолжают занимать государственные должности; иной раз им даже не предъявляют обвинений. Так, в Сальвадоре публикация доклада поддер-

живаемого ООН комитета правды послужила толчком к объявлению всеобщей амнистии, благодаря которой преступники избежали наказания. Если в Чили была разработана и проведена в жизнь полноценная система предоставления материальной компенсации родственникам убитых или исчезнувших граждан, а жертвы пыток получили бесплатное лечение, то правительства других стран так и не приняли существенных мер для возмещения ущерба потерпевшим.

Бокс 2: Южноафриканский Комитет правды и примирения

На сегодняшний день самым эффективным комитетом правды является Южноафриканский комитет правды и примирения, которому было поручено расследование серьезных нарушений прав человека за период с 1960 по 1994 гг.

В обязанности комитета входило расследование убийств, случаев применения пыток, похищений людей, жестокого обращения с заложниками; за рамками его компетенции оставались легализованные несправедливости системы апартеида – необоснованное содержание под стражей, систематические преследования на расовой почве, насильственные переселения.

В отличие от других комитетов правды, Южноафриканский комитет проводил свои слушания публично. Средства массовой информации, включая национальное телевидение, широко освещали их. На сегодня только Южноафриканскому комитету правды и примирения удалось сочетать сбор показаний более чем 23 тыс. жертв с уникальным процессом амнистии. Преступникам гарантировалась амнистия, если они подавали в Комиссию по амнистии Комитета правды соответствующее прошение до 16 декабря 1997 г., но только при условии полного раскрытия содеянного ими. Дела подозреваемых, не подавших прошение, или тех, кому было отказано в амнистии, в дальнейшем рассматривались в суде. Комитету по амнистии предстояла огромная работа – рассмотреть около 25 тыс. заявлений от людей, замешанных в нарушениях прав человека по политическим мотивам.

Благодаря таким условиям амнистии государство выполняло свое обязательство по расследованию былых нарушений прав человека, однако эти условия едва ли отвечали нормам международного права, поскольку допускали освобождение от наказания за деяния, приравняемые к преступлениям против человечности (например, повсеместно или систематически применяемые пытки или убийства). Введение частичной амнистии в форме сокращенных сроков или условных наказаний приблизило бы эти меры к нормам международного права.

Хотя большинство чернокожих южноафриканцев признало и приняло работу Комитета, на полное торжество правды надеяться им все же трудно. Наоборот, сложилась такая ситуация, что из-за недостатка времени и из-за необходимости сначала рассмотреть прошения об амнистии Комитет сумел всего лишь подтвердить заявления потерпевших, не расследуя их подробно. Он смог только порекомендовать парламенту принять меры к полноценной компенсации потерпевших, сам же не был уполномочен обеспечить сколько-нибудь существенный уровень их финансовой поддержки. Это привело к парадоксальному положению: некоторые преступники выиграли от амнистии, жертвы же получили не более, чем публичное признание перенесенных ими страданий.

Было бы предпочтительно создавать Комитеты правды на основе законов, подготовленных с участием всех заинтересованных сторон, в том числе бывших противников, правозащитных групп и организаций потерпевших. Члены и сотрудники комитетов должны демонстрировать добросовестность и представлять все политические организации, религиозные конфессии и группы населения, быть дипломиро-

ванными юристами, психологами и другими специалистами и говорить на языках как жертв, так и их преследователей. Мандат комитетов должен быть достаточно широк и включать в себя расследование военных преступлений, грубых нарушений прав человека, преступлений против человечности, в том числе нарушений, в прошлом “легализованных” национальными законами. Он должен охватывать все до единого серьезные преступления, совершенные в ходе конфликта, и позволять комитету расследовать нарушения, допущенные всеми сторонами конфликта. Комитетам должно быть предоставлено время и достаточные финансовые ресурсы, вначале – для решения организационных вопросов (помещение, персонал и т.п.), а затем непосредственно для своей работы (Hayner, 1996).

Комитеты правды дают существенные рекомендации по поводу того, как избежать повторения прошлых жестокостей, но необходимо выработать и официальный механизм проверки претворения их в жизнь. Предпочтительно проводить слушания как потерпевших, так и виновных публично, при условии, разумеется, гарантии личной безопасности свидетелей. Если такая безопасность не может быть обеспечена, комитет должен быть уполномочен проводить слушания в закрытом режиме. Следует открывать региональные филиалы комитетов, чтобы облегчить всем потерпевшим обращение за защитой своих прав, и слушания тоже проводить в разных частях страны. Заключительный доклад со всеми фактами и рекомендациями должен быть опубликован и переведен на требуемые языки. Комитетам следует также подключать местные средства массовой информации и неправительственные организации для освещения и поддержки своей работы.

Если у комитета есть право предавать гласности имена преступников, то прежде чем это делать, необходимо этих людей выслушать (*audi alterem parte*) и дать им возможность ответить на предъявленные обвинения. Комитеты должны быть уполномочены производить обыски и задержания, вызывать свидетелей и предполагаемых преступников на слушания, а также предоставлять частичную амнистию путем сокращения сроков или назначения условного наказания. В то же время, если в отношении виновных комитеты имеют право амнистии, то в отношении потерпевших они должны нести обязанность обеспечивать получение ими компенсации и психологической либо медицинской помощи еще до того, как виновные получают амнистию или помилование.

2.5. Земельные комитеты и суды

Гражданские междоусобицы, заканчиваясь, нередко оставляют после себя источники новых возможных конфликтов. Основной такой источник – проблема изгнанников, во время конфликта лишившихся своих земель или жилищ. Вернувшиеся беженцы могут обнаружить, что их дома заняты новыми жильцами, которые, возможно, сами бежали из других мест или которые как раз и являются теми, кто ответственен за выселение прежних жильцов. Дело может осложниться нехваткой жилья и разного рода притоков: бывает, что на одну и ту же собственность претендуют многие: и посторонние люди, и прежние владельцы или же их потомки. Недавние захваты земли в Зимбабве весьма наглядно продемонстрировали, как неурегулированные земельные вопросы могут быть использованы в политической борьбе и как они угрожают миру и стабильности даже по прошествии десятилетий после окончания освободительной войны.

Один из возможных подходов к этой проблеме – создание земельных или жилищных комитетов, которые выполняли бы функции посредников в поиске компро-

мисса между старыми и новыми владельцами. Если этим путем невозможно обеспечить возврат собственности, выплату компенсации или предоставление альтернативного земельного надела или жилища, тогда следует учреждать специальные суды для вынесения соответствующих постановлений. Принятые таким образом решения или компромиссы, во избежание конфликтов в дальнейшем, должны быть подтверждены официальными документами. Подобные меры только тогда принесут успех, когда будут выработаны и получают широкую поддержку четкие правовые нормы разрешения споров о недвижимости и земле. Следует поддерживать принятие компромиссных решений, поощряя стороны предоставлением жилищных субсидий, строительных материалов или другими мерами, но только при условии, что прежним владельцам будет либо возвращена их собственность, либо выплачена адекватная компенсация.

2.6. Репарации

Репарации, поскольку они представляют собой свидетельство официального признания понесенного жертвами ущерба, могут способствовать реинтеграции жертв в обществе и снизить вероятность возобновления вооруженного противостояния. Многим потерпевшим они могут просто помочь выжить. Помимо реституции, необходимо обеспечить выполнение специальных компенсационных законов в тех случаях, когда процесс предоставления компенсации будет заведомо очень медленным или селективным и осуществляться через гражданские судебные процессы. Компенсации должны предоставляться на индивидуальной основе за физический, психологический и материальный ущерб, включая расходы на медицинские и юридические услуги, необходимость в которых появилась у человека в результате грубых нарушений его прав (UN Secretary General, 1977). В соответствии с общепризнанными нормами, государства отвечают за ущерб, причиненный ими или их чиновниками, даже если к власти приходит новое правительство. В случаях, когда целые общины подверглись преследованиям и раскололись вследствие пережитого насилия, необходимо также широко опираться на ритуальные и коллективные формы искупления вины. Нередко у государств имеются лишь ограниченные возможности возместить ущерб потерпевшим сразу же по прекращении масштабных жестокостей. Более того, даже эти небольшие ресурсы часто распределяются несправедливо: на бывших государственных чиновников и комбатантов распространяется действие дорогостоящих пенсионных схем, тогда как потерпевшие от нарушений прав человека и уцелевшие жертвы получают очень мало или вообще ничего. Поэтому третьим сторонам следует настаивать на том, чтобы никакие конкретные группы потерпевших не были исключены из официальных планов компенсаций, а также укреплять организованность жертв, оказавшихся в изоляции. Компенсационные законы должны быть понятными и свободными от дискриминации каких-либо групп потерпевших. Не менее, чем величина выплачиваемых сумм, важна эффективность, прозрачность и беспристрастность самого процесса компенсации, которая обеспечивает компетентный, квалифицированный и чуткий к нуждам потерпевших персонал.

Иногда потерпевшие отказываются получать финансовую компенсацию, если подозревают, что правительство пытается купить их молчание. Они также чувствуют предательство, если в официальных речах и на ритуальных церемониях постоянно прославляется героизм и выражается сочувствие их страданиям, но при этом не делается никаких усилий для улучшения их ситуации в материальном или финансовом отношении.

2.7. Работа на низовом уровне ради достижения примирения

В то время как все вышеперечисленное требует действий со стороны правительств и государственной администрации, существует еще огромное поле деятельности для неправительственных организаций, которые тоже могут внести свою лепту в поддержку роста взаимопонимания и примирения в обществе. НПО, помимо лоббирования в правительствах и органах власти вопросов исправления допущенных в прошлом несправедливостей, помимо помощи официальным институтам и дополнения их работы, могут выполнять свои собственные программы и проекты, направленные на повышение доверия и понимания между бывшими противниками. Такие программы чаще имеют успех не тогда, когда они стремятся “примирить” врагов, а когда предлагают практические меры, поддерживаемые всеми заинтересованными сторонами. Так, третьи стороны могут организовывать нейтральное пространство для встреч бывших противников. Можно устраивать инспекционные поездки представителей конфликтовавших сторон в конкретные проблемные зоны, требующие особого внимания. С помощью местных газет или радио можно привлекать рядовых граждан к восстановлению разрушенных зданий общими силами, организовывать молодежные обмены, трудовые лагеря. В таких делах, имеющих целью расширение сотрудничества, должны участвовать представители всего общества. Привлекательность подобных инициатив повысится, если в них будут правильно учтены потребности всех конфликтовавших сторон, и если люди будут группироваться не по признаку отношения к прошлому конфликту, а, например, по полу или профессиям.

Местные НПО или церкви могут организовать семинары для помощи тем, кто пережил психическую травму, чтобы дать возможность бывшим противникам “выговориться” о пережитом, – это поможет углубить их взаимопонимание и сочувствие друг другу. Подобные дела, опирающиеся на традиционные представления и институты, обычно широко приветствуются общиной.

Места, где происходили исторически важные или трагические события, тюрьмы могут стать мемориальными, о них приезжим и школьникам будут рассказывать очевидцы событий. В такие проекты следует вовлекать общественность, просить бывших узников или жертв преследований предоставить свои фотографии или памятные личные вещи.

Поминание жертв прошедших конфликтов, совместные молитвы, в которых отдается дань уважения всем без исключения жертвам, также продемонстрируют единство населения или хотя бы ознаменуют окончание противостояния. То, как именно поминается прошлое, очень важно, потому что, к сожалению, эти церемонии всегда можно использовать для подогревания обид и вражды.

3. Принципы и стратегии поддержки справедливости и примирения

3.1. Этические нормы и официальные директивы

Ни государства, ни специалисты, занимающиеся разрешением конфликтов или сотрудничающие по проблемам развития, не должны поддерживать такие меры, в основу которых не заложены международные нормы прав человека. В своей работе они должны руководствоваться тем основополагающим положением, что международное право обязывает государства расследовать, наказывать и компенсировать пострадавшим серьезные нарушения прав человека, военные преступления и пре-

ступления против человечности. Эти обязанности на вечные времена записаны в четырех Женевских конвенциях, в *Конвенции по геноциду*, *Международной конвенции по гражданским войнам и политическим правам* и в *Конвенции против пыток*, а также в документах различных региональных конвенций по правам человека (Orentlicher, 1991; Roht-Arriaza, 1995; Randelzhofer, Tomuschat, 1999).

Состояние международного обычного права на текущий момент отражено в *Римском Статуте международного уголовного суда*, где в преамбуле неоднократно отмечается обязанность государств осуществлять необходимую уголовную юрисдикцию в отношении международных преступлений (бокс 3).

Кроме того, Подкомиссия по предотвращению дискриминации и защите национальных меньшинств при Комиссии ООН по правам человека разработала *Перечень принципов защиты и поддержки прав человека через судебное преследование за участие в боевых действиях* (Joinet, 1997) и *Проект перечня основных руководящих принципов в вопросе права на возмещение ущерба жертвам грубых нарушений прав человека и международного гуманитарного права* (UN Secretary General, 1997). Оба документа базируются на анализе попыток различных государств восстановить поправную в прошлом справедливость и сориентировать практиков относительно принципов, которых им следует придерживаться.

Бокс 3: Определения

“Международные преступления”. Международное право рассматривает “агрессию”, “геноцид”, “преступления против человечности” и “военные преступления” как преступления международные, т.к. они представляют угрозу международному спокойствию и безопасности человечества. Они являются нарушениями основополагающих норм общего международного права, которые не могут быть модифицированы никаким договором или национальным законом (Статут Международного уголовного суда 1998, Преамбула, Ст. 5; Bassiouni 1996).

“Преступления против человечности” – это убийство, истребление, порабощение, преследование, депортация, значительное ограничение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права, пытки, изнасилования, сексуальное порабощение и принуждение к проституции, насильственная стерилизация и принуждение к беременности, похищение и сокрытие людей, апартеид и другие аналогичные антигуманные акты, если они совершаются многократно и в рамках широкомасштабного и систематического преследования какой-либо части гражданского населения (Статут Международного уголовного суда 1998, Преамбула, Ст. 7).

“Геноцид” – деяния, имеющие целью полное или частичное уничтожение конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства ее членов, нанесения им серьезных телесных повреждений или психических травм, умышленного создания для данной группы таких условий жизни, которые рассчитаны на ее полное или частичное уничтожение; путем навязывания мер, препятствующих деторождению в данной группе или насильственной передачи детей данной группы в другие группы (Конвенция по геноциду 1948; Статут Международного уголовного суда 1998, Ст. 6).

“Военные преступления” – серьезные нарушения гуманитарного права, совершаемые в ходе международного или внутреннего вооруженного конфликта и направленные против людей, не принимающих активного участия в боевых действиях: гражданских лиц, военнопленных, раненых или больных. В эту категорию преступлений входят убийства, нанесение увечий, жестокое обращение и пытки, взятие в заложники, посягательство на достоинство личности, в

частности, оскорбительное или унижительное обращение; вынесение приговоров и исполнение наказаний без предварительного судебного разбирательства, проведенного созданным в установленном порядке судом, обеспечивающим соблюдение всех судебных гарантий, признанных цивилизованными народами обязательными (Женевская конвенция 1949 г. Ст. 3, 146 и 147; Дополнительные протоколы 1 и 2 Женевской конвенции 1977 г.; Статут Международного уголовного суда 1998, Ст. 8).

“Грубые нарушения прав человека” – серьезные нарушения прав человека, такие, как убийство, пытки, похищение или длительное незаконное задержание государственными органами (либо негосударственными субъектами, например, освободительными движениями). В отличие от “преступлений против человечности”, данный термин часто употребляется для обозначения отдельных актов, не обязательно представляющих собой часть широкомасштабных или систематических преследований.

Практики должны понимать, что в первое время по прекращении массовых жестокостей государство может быть не в состоянии исполнять свои международные обязательства. В исключительных ситуациях государству следует воздержаться от проведения судебных преследований. Это целесообразно делать, когда национальные суды не имеют возможности обеспечить соблюдение базовых процедурных норм, или же если из-за расследования и наказания грубых нарушений прав человека могут пошатнуться позиции вновь избранного правительства, а также если большое число подозреваемых и обвиняемых окажется в тюрьме в плохих условиях. Попытка вынести наказание за прошлые нарушения прав человека не должна приводить к их новым нарушениям (Méndez, 1997). Однако третьи стороны и практики должны настаивать на том, что временная неспособность государства выполнять свои международные обязательства не означает, что оно может действовать в противоположность этим обязательствам. Более того, невозможность в текущий момент наказать преступников не освобождает государство от обязанности восстанавливать свою систему правосудия и расследовать нарушения прав человека предшествующего периода. Поэтому третьим сторонам следует поддерживать усилия, направленные на обеспечение расследования прошлых жестокостей и на восстановление способности государства наказывать нарушения прав человека. Для этого можно либо сотрудничать с правительственными органами, при наличии у них политической воли, либо поддерживать деятельность местных правозащитных организаций по сбору доказательств прошлых жестокостей, либо обеспечивать жертвам возможность выдвигать обвинения против своих преследователей.

3.2. Местные, ситуационные и комбинированные подходы

При том, что этические нормы должны соблюдаться, их не следует воспринимать как жесткие непререкаемые правила; скорее они должны позволять учитывать местные проблемы и существующие властные отношения.

1. Степень и формы, в которых проявляет себя несправедливость, варьируются в огромных пределах. В стране могут происходить масштабные жестокости типа геноцида, но несправедливость может принимать и утонченные формы, как, например, в бывших коммунистических странах. Жертвами преследований, тюремных заключений, пыток и убийств могут оказаться значительные сектора населения, но такими жертвами могут стать и компактные меньшинства, которые и сами бывают иногда участниками актов насилия, или и участниками, и жертвами.

2. Существует значительная разница между теми странами, где по окончании широкомасштабных гражданских войн оказалась разрушена значительная часть инфраструктуры, и теми, где был свергнут авторитарный режим, но общественные институты в основном не пострадали.
3. Распределение власти между бывшими противниками будет зависеть от того, закончился ли вооруженный конфликт переговорами, патовой ситуацией, поражением одной из сторон или же стартом процесса демократизации под контролем, в основном, элиты прежнего режима.
4. Достигнутая страной степень стабильности, объем доступных ресурсов, политическая воля к поддержке или выполнению определенных договоров могут тоже широко различаться.

Рассчитывать на успех могут только те подходы, которые принимают в расчет конкретный контекст в конкретной стране, учитывают имеющиеся возможности и местные традиции и практику разрешения конфликтов.

Третьи стороны могут выступать советниками бывших противников, но обычно они оказывают лишь ограниченное влияние на политику местных акторов. В некоторых случаях международному сообществу удается заставить страны что-то предпринять в сфере восстановления справедливости, например, обратиться в международный уголовный трибунал. Однако международные институты могут и не стать эффективными орудиями трансформации конфликта, если не найдут поддержки у местных акторов и если их работу не будут дополнять усилия последних по созданию национальных институтов, чья миссия – восстановления исторической справедливости. В этой области у любых стратегий есть свои сильные и слабые стороны, поэтому необходимо комбинировать различные подходы и добиваться участия местных акторов всех уровней.

3.3. Разумная очередность принимаемых мер

Важно также правильно рассчитывать время действия: есть большая вероятность того, что институты переходного периода не справятся с задачей восстановления справедливости, а то и вообще взорвут непрочный мир. Акции, проведенные слишком рано или слишком поздно, не помогут предотвращению новой вспышки вооруженного конфликта.

Сразу же после завершения вооруженного конфликта следует особое внимание уделить гарантиям минимальной физической безопасности и недопущения изгнания людей из домов и временных приютов. Прежде всего нужно стремиться расследовать, довести до суда и наказать нарушения прав человека, имеющие место в *текущий* момент, чтобы не позволить людским эмоциям отбросить назад хрупкий мирный процесс. Правительство, государственная администрация и гражданское общество должны дать обществу ясно понять, что силовые решения конфликтов не будут допущены. Если властям на местах удастся убедить население, что они всерьез и надолго занялись исправлением допущенных в прошлом несправедливостей, тогда люди не станут ждать немедленных результатов. В тех случаях, когда насилию незаконно подвергалось большинство граждан, даже небольшое улучшение ситуации с безопасностью укрепит доверие к мирному процессу и правоохранительной системе. В сфере правосудия, следовательно, вначале следует принять минималистский подход и заняться основными нуждами людей, долго находившихся в условиях конфликта. Нарращивать активность нужно постепенно, шаг за шагом, и подойти в конечном итоге к мерам программы-максимум, нацеленным на установление главенства закона, которое в полной мере обеспечит защиту социальных и политических прав граждан (*Pankhurst, 1999*).

Для предотвращения новых кровопролитий в подорванных войной обществах часто бывает необходимо призвать общество к национальному примирению. Однако практики должны с осмотрительностью присоединяться к хору этих призывов и не вступать слишком рано, т.е. когда еще не началась активная работа по исправлению прошлых несправедливостей. Можно думать о примирении в долгосрочной перспективе, но целью номер один должно стать создание институтов для исправления прежней несправедливости и установления мирного сосуществования. Третьим сторонам следует избегать навязывания бывшим противникам своего понимания взаимного уважения и дружбы, если на пути примирения людей все еще стоят продолжающиеся насилие, структурная несправедливость, ненависть, взаимная неприязнь.

Третьи стороны должны понимать, что сразу после окончания вооруженного конфликта между бывшими противниками может быть достигнуто лишь ограниченное взаимопонимание. Участники вооруженного конфликта или те, кто применял пытки, как правило, с большим трудом признают бесполезность, неправомерность и тем более аморальность своих действий. Некоторые оправдывают их потерей товарищей, стремлением выжить в ситуациях смертельной опасности, необходимостью “допрашивать” предполагаемых террористов. Признать, что воевал или истязал людей во имя неверной цели или вообще без нее, что втянулся в борьбу по случайному стечению обстоятельств или что лично ответствен за поступки, всеми считающиеся аморальными или бесчеловечными, – это не больше не меньше как признать свое личное банкротство. Признание своей вины или осознание беспомощности того, что мы делали или пережили, представляет серьезнейшую угрозу нашей самооценке и цельности нашей личности. Подобное осознание приходит в противоречие со свойственным многим людям естественным убеждением (или заблуждением) в том, что они являются порядочными и высоконравственными гражданами.

Последующим поколениям обычно бывает легче придти к единому пониманию прошлого. Молодежи не грозят моральные терзания по поводу собственного участия в событиях прошлого. Но и тем, кто родился после конфликта, не так-то просто отказаться от своей социальной идентичности. Обычно второе и третье поколение продолжают ощущать либо обиду, либо вину, особенно если поколение родителей не смогло удовлетворительно разрешить проблему прежних несправедливостей, которые из-за этого продолжают в какой-то степени оказывать формирующее влияние на нынешнюю социальную реальность.

3.4. Ограниченные возможности внешних акторов

Примирение не может быть “импортировано” в охваченные конфликтом общества. Обычно возможности организаций помощи и иностранных НПО ограничиваются поддержкой институциональных структур, призванных способствовать достижению взаимопонимания между бывшими противниками. В конечном итоге, только сами враздававшие акторы могут прийти к примирению.

Поэтому инициатива по примирению и институты, имеющие дело с прошлыми несправедливостями, должны находиться в руках местных активистов. Возможно, у международных или иностранных организаций больше ресурсов; возможно, их работа потребует, когда местные институты не справятся, но их вмешательство всегда рискует быть лишь кратковременной интервенцией. Эффект работы комитета правды, в котором главенствуют международные эксперты, снизится, как только, написав последний отчет, эти служащие и комиссары покинут страну. Местный же штат будет по-прежнему серьезно относиться к своей работе и останется одной из “групп давления” в собственной стране.

Вместе с тем, участие международных экспертов в официальных институтах, занимающихся расследованием допущенных в прошлом жестокостей, способствует поднятию национального и международного авторитета данных институтов и может защитить его местный персонал от репрессий. Кроме того, международные эксперты передают вновь учрежденным институтам свои знания и опыт, полученные при работе в других странах. К тому же нередко конфликтующие стороны прямо обращаются к ним с просьбой об участии, потому что не всегда могут договориться о подходящих кандидатурах из своих собственных рядов.

Если суды и комиссии по расследованию удастся организовать таким образом, что их деятельность не воспринимается как международное вмешательство во внутренние дела, тогда им легче получить одобрение местного населения. В идеале в их работе люди должны видеть добросовестные усилия местных или национальных властей, направленные на достижение мира, справедливости и примирения. Иностранцам часто не хватает знания языка или местных традиций, к которым можно было бы прибегнуть в процессе восстановления отношений между бывшими жертвами и преследователями. Более того, чрезмерно активное участие иностранцев в каких-то традиционных церемониях и ритуалах может даже профанировать последние. Это не значит, что роль специалистов со стороны и иностранцев в поддержке и развитии местных инициатив и институтов должна ограничиваться, но им следует работать “в фоновом режиме”: давать советы, обучать местный персонал, выступать нейтральными председателями на совещаниях, обеспечивая их беспристрастное ведение.

3.5. Поле деятельности для третьих сторон

Агентства по развитию, правозащитные организации и НПО, занимающиеся разрешением конфликтов, также могут поддерживать местные усилия по исправлению прежних несправедливостей путем лоббирующего воздействия на людей, принимающих решения, и предоставления правовых и организационных консультаций. Так, они могут организовывать семинары и конференции с местными экспертами из рядов бывших противников, юристами, государственными чиновниками, правозащитниками, объединениями жертв и другими местными НПО с целью составления проектов законов, адекватных условиям текущего момента. Программы обмена с участием местных и иностранных экспертов могут послужить дополнительным стимулом в поиске решений, соответствующих конкретной ситуации. Институты и меры, созданные и разработанные на месте при участии всех сторон конфликта и акторов правительственного и низового уровней, имеют больше шансов получить широкое признание.

Местные и международные правозащитные организации играют большую роль в мониторинге процесса восстановления системы правосудия. Они могут сообщать об оставшихся не рассмотренными случаях жестокостей, документировать примеры безнаказанности, наблюдать за деятельностью комитетов правды, ведением судебных разбирательств, условиями содержания заключенных в тюрьмах, требовать предъявления обвинений или же освобождения задержанных и поддерживать работу местных организаций правовой помощи, правозащитных организаций и объединений жертв.

В таких ситуациях, когда местные власти неохотно занимаются ведением расследований, выплатой компенсаций или судебным преследованием виновных в жестокостях, третьим сторонам лучше сосредоточить свою поддержку на местных неправительственных организациях. Официальные структуры нужно под-

держивать только тогда, когда они обеспечивают соблюдение базовых процессуальных норм правосудия и демонстрируют необходимую независимость и способность делать данное дело. Поскольку часто трудно судить, как недавно созданные (либо восстановленные) институты будут работать в будущем, поддержка системы юстиции после внутренних конфликтов всегда включает в себя определенный риск. Поэтому донорам следует сосредоточиваться на программах краткосрочного финансирования, но быть гибкими и готовыми увеличить или же перераспределить свои гранты. Тесное сетевое сотрудничество представителей различных финансирующих агентств в стране способно обеспечить эффективное вложение средств, а также усилить давление на местные институты с тем, чтобы заставить их придерживаться принятых международных стандартов. Официальные комитеты правды всегда должны получать какие-то фонды от местной администрации – оказав этим комитетам финансовую поддержку, она более благожелательно относится к их работе и рекомендациям. Третьи стороны должны понимать, что местные НПО могут быть союзниками одной из сторон конфликта. В таких случаях можно поддерживать сходные инициативы, исходящие от обеих сторон, обеспечивать связь между ними и поощрять их сотрудничество.

Неправительственные организации, занимающиеся разрешением конфликтов, продемонстрировали свои возможности, обучая членов общинных судов или земельные комитеты мастерству посредничества в конфликтах и выполняя функции посредников между жертвами и преследователями. Но институты переходного периода, в том числе система юстиции, будут эффективно работать только тогда, когда их поймет и поддержит гражданское общество. Поэтому необходимо стараться информировать местных журналистов о порядке работы и о конкретной деятельности судов, комитетов правды и других органов. Третьи стороны могут содействовать работе средств массовой информации и помогать переводить информацию на местные языки.

Неправительственные организации часто незаменимы в деле сбора заявлений граждан или информирования людей об их правах. Они могут направлять своих специалистов по компьютерным базам данных для проведения сбора и анализа информации. Некоторые организации дают юридические консультации как потерпевшим, так и обвиняемым, с тем чтобы обеспечить их равные права в судебном процессе. НПО также оказывают помощь уголовным судам и комитетам правды в области криминалистической экспертизы тел в массовых захоронениях. Государственные агентства присылают своих следователей, инспекторов, криминалистов и прокуроров для помощи в расследовании допущенных в прошлом нарушений прав человека. Иностранцы эксперты отбираются местными институтами, они должны работать в тесном контакте с местными коллегами и эффективно передавать им знания, при этом независимость местных специалистов должна всегда сохраняться.

4. Вопросы, требующие ответов, и перспективы на будущее

Проблема осуществления правосудия в период после окончания вооруженного конфликта и во время перехода страны к демократии широко обсуждается в последние годы. Многие вопросы, тем не менее, все еще не получили ответа. В то время как одни проблемы решаются благодаря росту знаний и опыта, другие могут оказаться для переживших конфликт обществ неразрешимыми.

4.1. Разрешимые проблемы

Для обеспечения высокого качества работы комитетов правды существующие международные правила должны быть усовершенствованы. Развитие международного уголовного права в последние годы поставило на повестку дня вопрос, насколько законно объявление переходными обществами амнистии ради установления мирных отношений среди своих граждан. Этот вопрос может показаться преждевременным, поскольку освобождение от наказаний практикуется весьма широко. Тем не менее, следует серьезно заняться выработкой международных критериев амнистирования, которые были бы совместимы с обязательством расследовать и возмещать жертвам грубые нарушения прав человека в соответствии с международным правом. Выдвинутые одной из подкомиссий Комиссии ООН по правам человека основания для отказа от освобождения от судебных преследований следует дополнить в свете вышесказанного и придать им официальный статус декларации Генеральной ассамблеи ООН.

До сих пор академические споры велись в основном вокруг сильных и слабых сторон института уголовных преследований и комитетов правды. Но вместо того, чтобы представлять эти институты как альтернативы, следует думать о том, как скомбинировать и связать эти различные подходы, чтобы повысить эффективность решения проблемы. Нет также недостатка в публикациях о юридических аспектах складывающегося режима международного уголовного права. Куда меньше внимания, к сожалению, уделяется практическим проблемам, которые стоят перед международными и национальными уголовными судами, комитетами правды и земельными комитетами. Практикам, кроме того, необходимо набрать больше опыта в интегрировании в рамках официальной системы юстиции традиционных судов и альтернативных подходов к урегулированию споров, а также во взаимодействии с государственными структурами, курирующими эти суды, для того чтобы обеспечить универсальные стандарты соблюдения прав человека.

Всеобщий энтузиазм по поводу международных уголовных судов и интерес к ним могут легко отвлечь внимание общества, а также денежные средства от восстановления и переустройства независимых *местных* систем правосудия в подорванных войнами обществах. Широкие кампании против освобождения от наказаний за причиненные в прошлом несправедливости могут заслонить собой нарушения прав человека, совершающиеся в текущий момент. Хотя амнистирование участников боевых действий и документирование нарушений прав человека в прошлом остаются важными инструментами предотвращения злоупотреблений, они не должны поглощать все средства, направляемые в сферу предотвращения конфликтов, и позволять финансировать также и другие мероприятия.

4.2. Трудные дилеммы

Подорванные войной общества, пережившие масштабные жестокости, обычно бывают не в состоянии адекватно справиться с проблемой несправедливости прежнего режима. Нередко физический и моральный ущерб, нанесенный населению вооруженным конфликтом или государственными репрессиями, вообще оказывается непоправимым. Поэтому справедливость всегда будет ограниченной – в полной мере ее восстановить невозможно. Бывает, что и властные структуры, создающиеся после прекращения открытых столкновений, препятствуют должному разбирательству некоторых преступлений. Пока те, кто ответствен за прежние жестокости, занимают высокие посты или пользуются поддержкой значительных групп населения,

они будут пытаться заблокировать любые расследования преступлений, за которые им, возможно, пришлось бы отвечать. В подобных условиях весьма трудно построить независимую местную систему юстиции, как бы важна и нужна она ни была для трансформации конфликта. Третьи стороны, как правило, не способны добиться капитальной трансформации структурных ограничений, характеризующих многие охваченные конфликтом общества, таких, как недостаток финансовых ресурсов и квалифицированного персонала, а также юридическая культура, в которой отсутствует фундамент независимого правосудия.

Практики должны также понимать, что юридические институты сами по себе имеют лишь ограниченные возможности помощи обществам, расколотым конфликтами. Южноафриканский комитет правды и подобные ему институты часто приводятся в качестве положительных примеров восстановительной юстиции, более высокой по своей ценности, чем карающая. Но есть опасность слишком преувеличивать ожидания, возлагаемые на эти институты. На деле не все надежды реализуются. Например, открытое признание и разбирательство прошлых жестокостей не приведет автоматически к исцелению психических травм, к заживлению ран и всеобщему примирению в расколотых общинах и целых нациях.

К разряду мифов относится и представление, что благодаря эффективным институтам правосудия переходного периода общества навсегда распрощаются с прошлым, едва только будут обнародованы результаты их работы и вынесены соответствующие суждения. На практике же комитеты правды – это начальная точка долгосрочного процесса примирения, и их цель – поощрять, а никак не заглушать общественные дебаты по поводу жестокостей, допущенных в прошлом. По окончании вооруженного конфликта юридические институты приобретают важную функцию, ибо в их возможностях трансформировать сопряженный с насилием конфликт и, рассудив стороны, привести его к приемлемому урегулированию. Третьи стороны могут поддерживать создание этих институтов либо помогать неправительственным организациям, занятым документированием или исправлением несправедливостей прошлого. Местные инициативы также могут быть направлены на преодоление разделения общества по линиям конфликта и на восстановление мирных социальных отношений. Внешние акторы должны, тем не менее, понимать, что бывшие противники могут помириться только сами и что ни скорого, ни легкого пути к этой долгосрочной цели не существует.

- Akhavan P.*, 1998. Justice in The Hague, Peace in the Former Yugoslavia? A Commentary on the United Nations War Crimes Tribunal // *Human Rights Quarterly*. № 20. P. 737–816.
- Alvarez J.E.* 1999. Crimes of States/Crimes of Hate: Lessons from Rwanda // *Yale Journal of International Law*. Vol. 24, № 2. P. 365–483.
- Boed R.*, 1998. An Evaluation of the Legality and Efficacy of Lustration as a Tool of Transitional Justice // *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 37, № 2. P. 357–402.
- Boraine A., Janet L.* (eds.), 1995. The Healing of a Nation? Cape Town: Justice in Transition.
- Carver R.*, 1993. Zimbabwe: Drawing a Line through the Past // *Journal of African Law*. Vol. 37, № 1. P. 69–81.
- Cassese A.*, 1999. The Statute of the International Criminal Court: Some Preliminary Reflections // *European Journal of International Law*. Vol. 10. P. 144–71.
- Dassin J.*, (ed.), 1986. Torture in Brazil: A Report by the Archdiocese of Sao Paulo (Brasil: Nunca Mais, engl.). NY: Vintage Books.
- Hayner P.B.*, 1994. 15 Truth Commissions – 1974 to 1994: A Comparative Study // *Human Rights Quarterly*. Vol. 16, № 4. P. 597–655.
- Hayneer P.B.*, 1996. International Guidelines for the Creation and Operation of Truth Commissions: A Preliminary Proposal // *Law and Contemporary Problems*. Vol. 59, № 4. P. 173–180.

- Joinet L., 1997. Set of Principles for the Protection and Promotion of Human Rights through Action to Combat Impunity // Question of the impunity of perpetrators of human-rights violations (civil and political): Revised final report prepared by Mr. Joinet pursuant to Sub-Commission decision 1996/119. New York: UN Commission on Human Rights; Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities; E/CN.4/Sub.2/1997/20/Rev.1, 2 October 1997.
<http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/>
- Kritz N.J. (ed.) 1995. Transitional Justice: How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes. 3 Volumes. Washington, DC: United States Institute for Peace Press. (Самый полный сборник научных статей, уставов и докладов, относящихся к комитетам правды, национальным судебным разбирательствам, репарациям и политике люстрации).
- Mendez J.E. 1997. Accountability for Past Abuses // Human Rights Quarterly. № 19. P. 255–282.
- Minow M., 1998. Between Vengeance and Forgiveness: Facing History after Genocide and Mass Violence. Boston: Beacon Press.
- Morris V., Scharf M.P., 1995. An Insider's Guide to the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. Irvington on Hudson. NY: Transnational Publishers.
- Morris V., Scharf M.P., 1997. The International Criminal Tribunal for Rwanda. Irvington on Hudson. NY: Transnational Publishers.
- Orentlicher D.F. 1991. Settling Accounts: The Duty to Prosecute Human Rights Violations of a Prior Regime // Yale Law Journal. Vol. 100, № 8. P. 2537–615.
- Osiel M. 1997. Mass Atrocity, Collective Memory, and the Law. New Brunswick. NY: Transaction Publishers.
- Pankhurst D., 1999. Issues of Justice and Reconciliation in Complex Political Emergencies. Conceptualizing Reconciliation, Justice and Peace // Third World Quarterly. Vol. 20, № 1. P. 239–256.
- Randelzhofer A., Tomuschat Ch. (eds.), 1999. State Responsibility and the Individual: Reparation in Instances of Grave Violations of Human Rights. The Hague: Martinus Nijhoff.
- REMHI, ed. 1998. Guatemala: Nie wieder – Nunca Mas. Aachen: Misereor/Recuperacion de la Memoria Historica.
- Roht-Arriaza N. (ed.), 1995. Impunity and Human Rights in International Law and Practice. NY: Oxford UP.
- Salazar V.C., 1999. Erinnern oder vergessen? Auswirkungen der Menschenrechtsberichte in Guatemala // Der Überblick. Vol. 35, № 3. P. 56–61.
- Scharf M.P., 1997. The Case for a Permanent International Truth Commission // Duke Journal of Comparative and International Law. Vol. 7, № 2. P. 375–410.
- UN Secretary General. 1997. Views and comments received from States on the note and revised draft basic principles and guidelines on the right to reparation for victims of [gross] violations of human rights and international humanitarian law. NY: UN Commission on Human Rights; E/CN.4/1998/34; 22 December 1997.
<http://www.unhchr.ch/Huridocda/Huridoca.nsf/>
- Weilenmann M., 1999. Konfliktregelungsverfahren am Kreuzpunkt zwischen Mediation und Recht: Plädoyer für einen gesellschaftlich integrativen Ansatz der Konfliktbearbeitung // Krisenprävention: Theorie und Praxis ziviler Konfliktbearbeitung. Österreichisches Studienzentrum für Friedens und Konfliktforschung u.a. Chur; Zürich: Rüegger.

Ресурсы Интернета:

- Bibliographic information/Discussion Groups <http://www.reconciliation.orq.za>
International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia <http://www.un.org/ictv>
International Criminal Tribunal for Rwanda <http://www.ict.org>
International Criminal Court (ICC) <http://www.un.org/law/icc>
International NGO Coalition on the ICC <http://www.igc.org/icc>
South African Truth and Reconciliation Commission <http://www.truth.org.za>
United Nations Human Rights Home Page <http://www.unhchr.ch>
United States Institute for Peace/Internet Library <http://www.usip.org/library/truth.html>
Victim Organisations/Support for Victims
International Rehabilitation Council for Torture Victims <http://www.irct.org>
Redress – Seeking Reparation for Torture Victims <http://www.redress.org>
Project Disappeared/FEDEFAM <http://www.desaparecidos.org>

Derechos Human Rights/Equipo Nizkor Impunity <http://www.derechos.org>
Avocats Sans Frontieres (Legal Representation) <http://www.asf.be>
Hirondelle Foundation (Media Work/Rwanda Tribunal) <http://www.hirondelle.org>
International Commission of Jurists <http://www.ici.org>
HURIDOCS – Computer and Database support <http://homepage.iprolink.ch/~huridocs>
Physicians for Human Rights (forensic anthropology) <http://www.phrusa.org>
Argentine Forensic Team <http://www.eaaf.org.ar>